

Линь с тех пор, как переселился в этот мир звероловов, всегда оставался чужаком, но впервые к нему относились так, будто он был ходячим источником чумы.

К сожалению, русал с синими вьющимися волосами совершенно не обращал внимания на лёгкоранимость Линя. Увидев его, он не только отступил на пять шагов, но и, как и в прошлый раз, опустил глаза, уставив их в пол. В общем, он избегал взгляда Линя.

«Следует ли назвать это почтением? Или же настороженностью?»

Впрочем, его нежелание приветствовать Линя было слишком очевидным.

Проблема заключалась в том, что теперь не ритуалист оказался на том пляжу, а сам русал с синими кудрями явился в ритуальный зал центрального отделения Инквизиции.

Линь, прижимая мучительно ноющий левый глаз, осмотрелся затуманенным правым глазом и ещё раз убедился: ни верховный инквизитор, ни его наставница, казалось, не видели крупного незнакомца, внезапно возникшего в зале.

«Что это значит? Неужели всё, как когда Листчес использовал осколок "Раковины", чтобы усыпить меня и Кандис — снова нечто вроде сна?»

Старое зеркало всегда находилось у него в кармане. Правая рука Линя уже потянулась туда, но на полпути чья-то сильная ладонь перехватила его запястье.

— Линь!

Фельдграу неизвестно когда оказался рядом. Это он схватил Линя за руку и поддержал пошатывающегося ритуалиста с завязанными глазами.

Останки Мелодии Раковины были рядом с ним — «Раковина», треснувшая и заключённая в смолу, парила возле него. Теперь этот предмет находился от Линя всего в пределах вытянутой руки.

Хотя он всё ещё стоял в ритуальном зале, на краю магического круга, Линь почувствовал, словно его накрыла лавина гигантской волны. Грохочущий прибой ударял по нему, как по скале, лишая всех сил и утягивая в морскую бездну.

Яркитога тоже подбежала. Сквозь гул воды Линь смутно слышал её крик:

— Что случилось? Линь? Линь!

«Конец».

Он немного удивился: удивился тому, что его мозг всё ещё сохранял способность к хладнокровным рассуждениям.

В такой ситуации в отрицание связи его левого глаза с «Раковиной» никто бы не поверил.

Но сейчас важнее всего было другое — эта боль, боль...

Фельдграу услышал жалобный стон лежащего у него на руках Линя, который тот больше не мог сдерживать.

Темноволосый ритуалист в белых перчатках, чьё запястье он держал, теперь сам вцепился в его рукав с такой силой, что ткань почти порвалась. Слёзы лились потоком, пропитывая бинты и марлю насквозь. Прикосновение к его лицу ощущалось как прикосновение к кусочку льда, только что вытащенному из морозильной камеры.

Фельдграу вспоминал всё, что произошло минутами ранее, и кое-что понял.

Он передал Линя Яркитоге, а сам достал из кармана предмет, похожий на тубик с пастой.

Открутив крышечку, он взял «Раковину», покрытую смолой, и выдавил чёрный клей, равномерно замазав трещины на её поверхности.

Как только щели были закрыты, дыхание Линя заметно выровнялось.

Яркитога тоже обратила на это внимание. Её тонкие брови сдвинулись, она усадила Линя на пол и произнесла:

— Это...

На одном слове она остановилась; пока Линь пытался восстановить силы, они оба молчали.

— Вы ведь говорили, что кровеплотяной целитель уже проверял его, — первой прервала тишину Яркитога.

— Да, — кивнул Фельдграу. — Я тоже лично проверял.

Он даже применил орлиный взгляд на близком расстоянии, но никаких аномалий в левом глазе Линя не нашлось.

— Как и ожидалось от верховного инквизитора, вы очень надёжны, — не слишком искренне польстила Яркитога, но её нахмуренные брови так и не разошлись. — Вам я, конечно, доверяю. Но тогда что же происходит с моим учеником?..

Она замолчала на полуслове, а затем, немного подумав, предположила:

— Это проклятие?

После того как она официально приняла должность директора ритуального подразделения в центральном отделении, ей выдали полный отчёт о поимке Листчеса Азари. С чего началось задание, что произошло по дороге и чем закончилось — ей было известно всё.

Кровеплотяной целитель не выявил никаких аномалий. На обратном пути душу Линя ощупывал похоронщик — тоже безрезультатно. К тому же было свидетельство верховного инквизитора.

«Сам Линь не может быть источником проблемы. Но, при учёте пропавшего осколка "Раковины"...»

— Что, если ритуал «Свет из тьмы» сжёг не только Явору Бенгаль, но и сам осколок, — предположила Яркитога. — Воля божества не рассеивается так легко, даже после смерти. Это же надругательство над телом богини снов, вот она и наложила проклятие?

Фельдграу, держа в руках вновь запечатанную «Раковину», серьёзно произнёс:

— Это возможно.

Линь, постепенно приходящий в себя, услышал их разговор.

— ?.. — мысленно выдал он.

Юный тёмный бог уже был уверен, что его разоблачили... А тут нашлось такое объяснение?

В этот момент он услышал взрыв хохота — неудержимого, звонкого и совершенно не «русальего».

Русал с синими кудрями, смеясь до слёз и держась за живот, наконец выдохнул:

— Что за чушь! Богиня снов мертва окончательно. Откуда у неё силы кого-то проклинать?

«Значит, он и правда связан с Мелодией Раковины?» — подумал Линь.

Тот самый русал, что минутами ранее держался в стороне, теперь подошёл ближе. Он явно понял, что Фельдграу и Яркитога не могут его видеть, и без колебаний остановился прямо за спиной наставницы Линя. Наклонившись, он внимательно рассматривал Линя — а влажные тёмно-синие и светло-голубые пряди падали Яркитоге на плечо.

Как только Линь поднял голову и выпрямился, русал опять отступил, снова избегая его взгляда.

Так Линь окончательно убедился: тот делал это нарочно.

Ведь прежде, когда они были в море, полном раковин, этот русал хоть и опускал глаза, показывая почтение, но в моменты, когда Линь погружался в мысли, он всё же украдкой поднимал взгляд и несколько раз посматривал прямо на него.

Линь воспользовался глазами Яркитоги как зеркалом и убедился, что появление русала с синими кудрями не было сном или галлюцинацией.

А затем внезапно понял, почему тот избегал прямого взгляда. Всё потому, что в прошлый раз, когда Линь уходил из того моря, он прямо у него на глазах использовал зеркало.

Русал, вероятно, потом догадался о его способности, связал её с зеркалом — с отражающими поверхностями — и с глазным яблоком.

Поэтому теперь он с самого начала избегал смотреть Линю в глаза, чтобы тот не смог повлиять на него или подглядеть что-то через зеркальную поверхность глаза.

«Профессионально».

Нет, правильнее сказать: этот русал был слишком хорошо знаком с существами вроде «тоски семени» и умел предугадывать их поведение заранее.

Линю очень хотелось задать ему несколько вопросов. Но сначала следовало разобраться с текущей ситуацией.

— Верховный инквизитор, наставница, — слабо, но твёрдо заговорил он, — может быть, дело не в проклятии. А в том, что тот пропавший осколок находится во мне?

— В тебе? — Яркитога склонила голову. — Где именно в тебе?

— Если это не проклятие, а осколок действительно в тебе, тогда он просто хочет воспользоваться тобой, чтобы найти «Раковину»? — Фельдграу размышлял всерьёз. — Но я не ощутил в тебе ничего постороннего. Ни в теле, ни в душе. Может быть... он находится в твоём

сне?

Яркитога, сначала отнёсшаяся к предположению Линя как к шутке, при этих словах погрузилась в раздумья, рассматривая данный вариант.

— В таком случае... — продолжил Фельдграу.

— В таком случае, нужно продолжать ритуал, — заключила Яркитога. — Если укрепить связь между самой «Раковиной» и осколком, тот сам проявится, — она хлопнула кулаком по ладони, поднялась и, откинув волосы, сказала Линю: — Ну что, Линь, у тебя есть силы? Или хочешь немного отдохнуть? Ритуал можно провести до четырёх утра, время ещё есть.

Линь упёрся коленом в пол, пытаясь подняться. Фельдграу подхватил его за руку, помогая удержаться на ногах.

— Я... — он только начал, когда вдруг вмешался русал.

— Если узнают, что осколок в тебе, тебе конец, — сказал тот. — Ты... вы ведь понимаете: обычный человек, даже заполучив осколок тела божества, не смог бы спрятать его в месте, недоступном для апостола.

Линь не мог ему ответить. Но не удержался и подумал:

«Верховный инквизитор не смог найти, а ты, похоже, можешь?»

— Я тоже его не могу найти. Я только догадался из вашего разговора, — будто услышал его мысли русал. Линь заметил в его руке бледно-голубое сияние — он, возможно, использовал заклинание для связи сознаний. — Этот парень, должно быть, апостол того чокнутого вояки. Он слишком молод, слишком многого ещё не знает. Если бы я, старик, понял, что осколок в вас, но не смог бы обнаружить его, моё первое решение было бы — сжечь вас.

Такая угроза на Линя уже не действовала.

Да и вообще — «сжечь» это ещё ладно, но вот обращение к нему «вы» с искусственным, ненастоящим уважением звучало куда хуже.

— Даже спустя девять сотен лет в Инквизиции наверняка сохранилась привычка жечь на кострах. Ха, всё это привнесли апостолы того дракоши. Так зачем же вы до сих пор здесь?.. Впрочем, ладно. Так вот, ваше молодое высочество... могу ли я задать вам вопрос?

— «Если есть что сказать, то говори прямо», — ответил Линь мысленно. Для убедительности он опустил голову, будто всё ещё страдал от боли, чтобы Фельдграу не увидел выражения его

лица.

— Как вы получили осколок? — спросил русал. — Насколько я помню, они все должны были быть в руках у той шлюхи.

Линь после этого вопроса чуть не захлебнулся жалобами. Он ведь всего лишь хотел сжечь парочку культистов! Так какого чёрта этот осколок прилип именно к нему?

— «...Он сам пришёл?»

Интонация русала выдала потрясение куда сильнее, чем в тот момент, когда он понял, что Линь — «тоска семени».

— Невероятно... — пробормотал он, углубившись в мысли.

Через пару вдохов он снова заговорил:

— Если так, тогда позволь мне помочь тебе... вам.

— «Если тебе неудобно говорить "вам", говори "тебе". Мне всё равно, — успел заметить Линь. — И как именно ты собираешься помочь?»

— Я — священник богини снов, апостол Мелодии Раковины, — его голос звучал спокойно и ясно. — Но какой прок от апостола, когда сам бог утрачен? Только охранять ночь за ночью сны, что она оставила. Но если теперь она избрала тебя — это даже хорошо. Лишь бы не Дева Серебряной Луны... Мне теперь...

Русал встал позади Линя и положил ладонь ему на левый глаз.

Он медленно закончил:

— Мне теперь всё равно.

— Ты справишься? — одновременно с ним спросил Линя Фельдграу. Его голос совпал с голосом русала.

— Да, — Линь сделал вид, что не замечает жуткости происходящего, глубоко вдохнул и твёрдо ответил: — Я справлюсь.

Фельдграу тогда отпустил его руку, снова внимательно оглядел сверху донизу и, убедившись, что тот стоял твёрдо, шагнул к Яркитоге.

Он вложил ей в ладони заново запечатанную «Раковину». Они оба уставились на Линя, и верховный инквизитор осторожно стёр крошечный кусочек чёрного клея.

Линь ничего не почувствовал. На самом деле, когда русал с синими кудрями приложил ладонь к его левому глазу, даже шум приборя, звучавший у него в черепе, стих.

Не зная этого, Яркитога тихо сказала Фельдграу:

— У моего ученика и правда удивительно крепкая воля, не так ли?

Фельдграу утвердительно хмыкнул.

Яркитога продолжила:

— Он очень талантлив и усерден. Его будущее не должно закончиться в комнате очищения.

Фельдграу промолчал.

Она больше не стала с ним разговаривать. Наставница протянула руку с «Раковиной» и громко крикнула Линю:

— Линь! Ты помнишь молитву?

Линь показал жестом, что всё в порядке. После короткой паузы Фельдграу отошёл в угол зала, а Яркитога и Линь заговорили один за другим.

— Мастер Адгезии, я ступаю в твою сферу...

Всё ещё ощущая слабость в теле, Линь сохранил ровный голос и продолжил:

— Словно бабочка, ворвавшаяся в паутину...

Яркитога снова произнесла:

— Всё сущее соединено бесчисленными способами...

Голос Линя понизился на несколько тонов:

— Втянуто в водоворот — или словно склеено клеем...

С каждой строкой их двойного пения связанные на полу большой и малый ритуальные круги засияли медовым, янтарным светом.

Тот же свет переливался по «Раковине» в руках Яркитоги. В воздухе поднялись рябящие волны света, расходившиеся от неё всё шире и шире.

Эти рябящие круги коснулись Линя, прошли сквозь него и без задержки устремились дальше.

Такие же волны пробежали по карте центрального отделения Инквизиции на полу, но не обозначили на ней ничего.

— Не переживай, — сказал русал с синими кудрями. — Тебя не обнаружат.

— «Спасибо, — ответил Линь мысленно. — Кстати, я ведь даже не спросил твоего имени. Как ты вообще оттуда выбрался?»

— ...Зови меня Моисей, — русал назвал именем пророка. — Только что вскрыли печать, да ещё осколок оказался поблизости, вот это и позволило мне... — он вдруг прервал своё объяснение и громко воскликнул: — Ой, перебор с вмешательством! — после чего Моисей без всякого сожаления сказал: — Похоже, я случайно втянул того молодого апостола чокнутого вояки в сон об океане.

<http://bllate.org/book/12612/1119981>